

ПЕТЕР ФАРКАШ

[3]

ИЛ 2/2021

В Люксембургском саду навсегда

Повесть

Перевод с венгерского и вступление ЮРИЯ ГУСЕВА

Проза венгерского писателя Петера Фаркаша (живет в Кёльне) привлекает своей необычностью. Необычностью — даже на фоне литературы наших дней, когда эпоха постмодернизма (кажется, уже завершающаяся) породила культ оригинальности, фантазии, поисков чего-то такого, чего еще никогда не было.

Для художественной манеры П. Фаркаша характерен последовательный минимализм, то есть сугубое внимание к подробностям, к мелочам, которые подчас помогают понять суть бытия не менее эффективно, чем стремление к широким, универсальным закономерностям. Но необычность Фаркаша, конечно, не в этом. Она — в том, что его минимализм каким-то загадочным образом выводит читателя в (едва ли поддающуюся словесному выражению) сферу надреального, надмирного: к высокой, граничащей с мистикой лиричности. Современный человек не способен постичь, логически уяснить, что есть жизнь, что есть смерть. Нет, Петер Фаркаш не дает

© FARKAS PÉTER, 2019

© ЮРИЙ ГУСЕВ. Перевод, вступление, 2021

© Фото Ro. Ka. Wi.

Публикуется с любезного разрешения автора.

нам объяснения этих вещей, — но хотя бы позволяет прикоснуться к ним через некое сверхоощущение, через нечто вроде интуиции, нечто родственное ей.

И, как ни странно это звучит в свете сказанного, писатель дает нам возможность прикоснуться к сути такого важного для человечества понятия, как — любовь. Не в обыденном и не в романтическом, а, если угодно, в метафизическом смысле этого слова.

НА самом деле Адаму всегда хотелось жить как бы вне истории. Чтобы, когда ты проснулся и открыл глаза, оказалось, что ничего, совершенно ничего не изменилось ни в тебе, ни вокруг. Чтобы никого, да и тебя самого, как бы не было. Чтобы состояние это не имело названия, не находилось ни в пространстве, ни во времени, было нематериальным, представляло собой нечто вроде невидимого, неосязаемого пара, который тем не менее заполняет собой бытие. Вот чего он всегда желал подсознательно — и теперь вдруг, ниоткуда не выйдя и никуда не придя, оказался именно там.

Стоя в изножье кровати, он смотрел на водянистые разводы солнечного света, шевелившиеся на безупречно белой поверхности покрывала; тишина длилась за минутой минута; потом тело под покрывалом словно бы чуть колыхнулось, над ним возникла призрачная, невесомая пелена — и через щель приоткрытой фрамуги выскользнула наружу. Ему оставалось лишь следовать за легким ее парением. Это было совсем нетрудно: если он отставал, она поджидала его, — так он оказался в находившемся недалеко от дома Люксембургском саду.

Стоя в изножье кровати, он смотрел на циферблаты приборов. В палате он был не один. За спиной у него, ближе к двери, стояли еще двое. Он знал о них, но не он их интересовал. Он попробовал оторвать взгляд от кровати и сосредоточиться на том, что показывали приборы. Там мелькали какие-то светлые точки, бежали вдоль экрана четкие графические зубцы в сопровождении букв и цифр, слышался ритмично повторяющийся звук, напоминающий усталые стоны. Обими руками он стискивал металлическую перекладину спинки, словно пытаясь вдавить кровать в стену. Потом, разжав пальцы, ладонь левой руки положил на перекладину сверху, правой рукой накрыл левую. У него возникло неуместное, а потому неприятное ощущение: не является ли невежливостью то, что он слишком долго, слишком пассивно ждет? Ясно же: он должен предпринять что-то — примерно так, как спортивный